

Искреннее признание, долгий разговор — и все преграды будто рухнули сами собой, оставив после себя лишь чистое пространство, которое должно было заполнить время. Ин Фэйчи не страшился ожидания. В школе Ланфэн он целых десять лет покорно ждал единственного шанса вырваться на волю, так неужели теперь он не сможет прождать два года ради Чжоу Маня?

Тем более что деревня Гуаньцзян была местом, рожденным для того, чтобы в нем текла жизнь, а не тянулось тоскливое ожидание.

Деревня эта не казалась большой — постоянных жителей в ней едва ли набиралось две сотни, — но раскинулась она привольно: на каждую семью приходилось почти по тысяче му лесных угодий. Из глубоких расселин в скалах, затерянных в самой чащобе, сочились ледяные ключи; постепенно они сливались в говорливые ручьи, те крепили, наливались силой и превращались в реку, которая на границе общин впадала в полноводный поток, несущий свои воды к уездному городу. Бескрайние просторы дарили детям вольные, как ветер, годы — дни напролет ребячьи носилась по горам да пропадала на речке.

Поначалу Ин Фэйчи принимали исключительно за учителя, а ученики по природе своей наставников и почитают, и побаиваются. Затем, когда он в шестнадцать лет уселся за парту в подготовительном классе, его и вовсе сочли за чудака, не слишком далекого умом. Но в конце концов Фэйчи, чье простодушие окончательно расцвело под опекой Чжоу Маня, благополучно сделался негласным предводителем всей деревенской детворы.

Каждое утро, когда солнце еще не успело разогнать белесую дымку, окутавшую изумрудные горы, в начальной школе уже кипела жизнь. Чжоу Мань во дворе оттачивал технику меча, а Ин Фэйчи, вооружившись ножом и бамбуковыми дощечками, корпел над новыми талисманами. Когда начинались уроки, Фэйчи устраивался в сторонке с Зеркалом Тунмин, занимаясь самообразованием и заодно приглядывая за классом, пока Чжоу Мань был занят. А на переменах он без тени смущения пускался в игры с ребятами.

Забавы в деревне были простыми, из того, что под руку попадет, — ни игровых приставок, ни нарядных горок. Девочки состязались в ловкости, подбрасывая ногой самодельные воланы из сушеной полыни. Мальчишки чертили на земле границы, выбивая «сало» теми же воланами вместо мячей. Устраивали догонялки: одни замирали внутри круга, а водящий караулил снаружи. Стоило кому-то зазеваться и хоть краем стопы пересечь черту, как водящий должен был его коснуться — пойманный признавал поражение и сам становился на стражу. Стекланных шариков в глуши не водилось, поэтому дети по всей деревне собирали старые батарейки, поддевали ножом жестяные крышечки и играли на них: нужно было ударить своей крышкой по чужой так, чтобы та перевернулась.

На утоптанной земле рисовали причудливый иероглиф «Небо», брали пять, семь или девять квадратных камешков, которые называли «зернами». Их нужно было осторожно сложить на ладони, подбросить, поймать тыльной стороной кисти, а затем — снова ладонью. Сколько камней удержал, столько шагов и сделал. Побеждал тот, кто первым достигал «Небесного дворца» — самого центра верхней клетки.

Была и другая игра — «подбор зерен». Зажав один камешек между большим и указательным пальцами, остальные прятали в кулаке. Ведущее зерно подбрасывали вверх, в этот миг рассыпали камни из ладони и ловили летящее зерно обратно. Затем следовал самый сложный этап: подкинуть камень и, пока он в воздухе, успеть подхватить с земли нужное количество зерен. Сначала одно, потом два, три и, наконец, все четыре сразу. После того как весь круг был пройден, камни снова подбрасывали с ладони на тыльную сторону кисти. Перед началом игры договаривались о победном счете, и тот, кто первым набирал заветное число камней, становился чемпионом.

Если же игры на земле надоедали, всегда оставались горы и река.

Осенью леса щедро одаривали лесных жителей плодами: с начала восьмого лунного месяца и до конца десятого природа каждый раз готовила новое угощение.

В августе созревали ягоды бэйдай — оранжевые гроздья, свисающие с лиан, оплетавших высокие деревья. С виду они напоминали виноград, но сока в них было меньше, зато сладости — в избытке. В это же время поспевала и луомэй. Эта лиана, в отличие от привередливой бэйдай, не стремилась к небесам, а милосердно обвивала старые пни и поваленные стволы, словно ласковая тетушка, предлагающая угощение детям, которым не под силу карабкаться на верхотуру. Ягоды бэйдай ели прямо в лесу — они были слаще сахарного песка, а вот луомэй несли домой. Их можно было сварить, но вкуснее всего они получались запеченными в золе. Разомлевшие от жара плоды благоухали, как спелые каштаны, — мучнистой нежностью ореха и легким фруктовым ароматом.

Сентябрь — время дикого винограда. Любой ребенок, знающий повадки родных гор, безошибочно находил заветные лозы и точно знал, понадобится ли нож, чтобы перерезать стебли, и придется ли лезть на ветки. Лесного винограда было столько, что, оставив часть птицам, его едва удавалось унести в огромных плетеных корзинах. Ходили в лес сразу несколькими семьями — в одиночку с таким урожаем было не совладать. Вкус у ягод был не просто сладким, а с дерзкой кислинкой, которая набивала оскомину не хуже сочного ямэя — съешь лишнего, и потом даже мягкий тофу не укусишь.

Что же делать с излишками? Чжоу Мань знал ответ. Он выменивал у старых мастеров крепкое рисовое вино и заливал им виноград в глиняных чанах, плотно запечатывая горловины. Так рождалось виноградное вино. Ин Фэйчи за всю свою жизнь не пробовал спиртного, и хотя деревенская брага была грубоватой, лишенной тонкости дорогих сортов, в ней жила суровая и искренняя крепость гор. От дурманящего аромата, витавшего над чанами, у молодого даоса сладко ныло под ложечкой.

Чжоу Мань, не выдержав его просящего, жалобного взгляда, дрогнул сердцем и пообещал:

— Когда наступит Новый год и мы вскроем чан, я налью тебе чарку.

После этих слов маленький даос, светясь от счастья, убежал играть дальше.

В октябре берега реки покрывались плодами белой лианы. Сами по себе они были не слишком вкусными, а их стебли, усеянные колючками, нещадно рвали кожу на руках. К тому же под чешуйчатой кожицей, напоминавшей рыбью чешую, скрывался лишь тонкий слой мякоти да огромное семя. Чжоу Мань никогда не понимал, зачем тратить силы на эту чепуху, но Ин Фэйчи лишь отмахивался:

— Да ты ничего не смыслишь! Тут же главное — сам процесс. Разве их ради еды собирают? Уж лучше я пойду в реке рыбу половлю или улиток наберу!

И в самом деле: охота на рыбу и креветок в это время была в самом разгаре. К осени река успокаивалась, течение становилось ласковым и прозрачным, словно стараясь сберечь жизнь в своих глубинах. В заводи выходили вьюны, окуни, чехонь и караси. Попадалась и мелочь с палец, и почтенные рыбины в несколько цзиней весом — тут уж всё зависело от удачи, ведь крупная рыба любит прятаться в расщелинах скал. Там же, в каменных норах, таились и речные креветки; иные были крупнее большого пальца — пары штук хватало на целую трапезу. Но лезть за ними в темные гроты голыми руками было опасно — не ровен час наткнешься на водяную змею.

Тут-то и наступал звездный час чайного жмыха.

Жмых, оставшийся после отжима масла из семян чая, прессовали в твердые плитки. Их дробили, смешивали с древесной золой, заливали водой и тщательно растирали, получая своеобразное одурманивающее средство для подводных обитателей. Эту смесь закладывали в холщовые мешки и опускали в воду выше по течению от глубоких заводей. Когда снадобье наполняло омут, рыба и креветки, охмелев, сами всплывали к поверхности и безвольно прибывались к берегу. Оставалось только собрать их в сачки.

Улиток же собирали вброд: речные жались к камням на мелководе, а озерные облепляли валуны в глубоких местах. Местные говаривали: «Коли ешь улиток под луной, глаз твой будет острым». Ин Фэйчи дни и ночи напролет штудировал книги, стараясь восполнить пробелы в знаниях об этом мире, и Чжоу Мань всерьез опасался, что парень испортит зрение. Быть заклинателем на стадии Возведения Основания с трехсотлетним сроком жизни и при этом носить очки — что может быть позорнее?

Поэтому Чжоу Мань чуть ли не через день готовил для него улиток. Особыми кулинарными талантами он не отличался — либо варил похлебку, либо жарил. Благо за школой густо разрослась фиолетовая перилла, словно созданная специально для этого блюда. Бульон из улиток получался удивительно наваристым, и Фэйчи за один присест мог уплести две миски риса. А чтобы достать мясо из раковин, нужно было владеть искусством «□» — втягивать его в себя с характерным резким звуком. Ин Фэйчи поначалу не справлялся, за что был нещадно высмеян Зеркалом Тунмин. Чжоу Мань даже выстругал для него маленькую бамбуковую щепу, чтобы поддевать мякоть, но Фэйчи, упрямявшись, решил во что бы то ни стало освоить народный метод. В конце концов он натренировал губы так, что только брызги летели: подносил раковину ко рту, делал короткий вдох — и сочное мясо само прыгало на язык.

Помимо начертания талисманов, у маленького даоса появилось еще одно неоспоримое умение.

Дни текли безмятежно, время словно застыло, не касаясь этой земной обители. Незаметно подкрался ноябрь.

<http://bllate.org/book/17459/1697312>